

Николай Михайловский

**Из полемики с
Достоевским**

Николай Михайловский
Из полемики с Достоевским

«Public Domain»

1880

Михайловский Н. К.

Из полемики с Достоевским / Н. К. Михайловский — «Public Domain», 1880

«Если человек, даже чрезвычайно талантливый, скажет или напишет какую-нибудь путаницу и потом будет вновь и вновь к ней возвращаться, стараясь свести концы с концами, то достаточный ли это повод, чтобы присутствующие также вновь и вновь к той путанице возвращались?..»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Николай Константинович Михайловский Из полемики с Достоевским

Если человек, даже чрезвычайно талантливый, скажет или напишет какую-нибудь путаницу и потом будет вновь и вновь к ней возвращаться, стараясь свести концы с концами, то достаточный ли это повод, чтобы присутствующие также вновь и вновь к той путанице возвращались?

Другими словами: г. Достоевский произнес известную речь на пушкинском празднике в Москве; об ней много толковали; теперь г. Достоевский издал эту речь с комментариями в виде «Дневника писателя»; стоит ли об ней опять толковать?

Решительно не стоит. Ибо эти самые толки могут побудить г. Достоевского в ближайшем номере «Дневника писателя» опять заняться азартнейшим водотолчением, а это зрелище вовсе не приятное вообще и в настоящем случае в особенности. Толки о речи г. Достоевского и о его комментариях к ней должны, кажется, и самому г. Достоевскому очень не нравиться. В самом деле они ему только дорогу загораживают. Он сказал, например, очень уж старое слово, что мы, русские, скажем Европе новое слово. Об чем тут, спрашивается, толковать? Скажем, так скажем, а пока будем ждать, может быть, именно г. Достоевскому и суждено сказать это новое слово. Не лучше ли же предоставить ему полный простор, не задерживать его в прихожей комнате нового слова возражениями против пророчества, совершенно, в сущности, невинного. Если бы еще г. Достоевский перешел из области прорицаний в сферу действительности и прямо указал, что вот, дескать, в чем состоит новое слово, преподносимое нами Европе, ну, тогда другое дело, тогда было бы об чем толковать, тогда можно бы было рассуждать, действительно ли это слово новое; а если новое, то хорошо ли оно. Но ведь ничего подобного нет...

До какой в самом деле степени господ комментаторы мешают г. Достоевскому, можно видеть из следующего примера. Почтенный романист говорит, между прочим, что «для настоящего русского Европа и удел всего великого *арийского племени* так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»^[1]. Об арийском племени и еще где-то говорится с такою же определенностью. Сообразно этому в «Дневнике писателя» г. Достоевский шлет весьма ядовитую пику «жидам»^[2]. Это последовательно. Если бы «жиды» принадлежали к великому арийскому племени, то г. Достоевский не сказал бы об них ничего ядовитого, ибо мы, русские, призваны не к ядовитостям насчет инородцев, а, напротив, к братскому воссоединению людей. Однако этот «удел» наш, по мысли г. Достоевского, не простирается за пределы великого арийского племени, а так как «жиды» – семиты, то им можно всякую пакость сказать и учинить. Мысль очень оригинальная, но несколько невыясненная, да и то, собственно говоря, не выяснены самые пустяки, а именно причины ограничения нашей всемирности арийским племенем. Немножечко бы еще подождать, предоставив г. Достоевскому возможность беспрепятственного размышления среди всеобщего благоговейного молчания, и он, разумеется, все это уяснил бы сначала самому себе, а потом и остальному человечеству. Но вот высказывает «Берег» с неудержимым стремлением наложить на «Дневник писателя» клеймо своего сочувствия и в *подтверждение* (заметьте!) идеи г. Достоевского излагает следующее: «Без этой объединяющей, умиротворяющей силы разве ужился бы наш народ со всеми теми разнообразными племенами, которые как кольцом окружают его со всех сторон. Находясь в центре, русский одинаково дружит и с финном, и с эстом, и с литовцем, и с цыганом, с черкесом, киргизом, калмыком, китайцем, чукчей, само-

^[1] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 147.

^[2] Из «Дневника писателя» за март 1877 г. (там же, т. 25, с. 74–81).

едом, лапландцем, со всеми, одним словом, народами и народцами, которые окружают его или живут среди его, как, например, татары, евреи, немцы» («Берег», 17 августа). И выходит простое, самое заурядное хвастовство, во-первых, а во-вторых, извращается оригинальная мысль г. Достоевского, который финнов, евреев, татар, чукчей и прочих, не принадлежащих к великому арийскому племени, вовсе не имел в виду и всегда, может быть, готов даже собственноручно им какую-нибудь пакость сделать во славу Божию. Какая же это, спрашивается, помощь или поддержка г. Достоевскому? Никакой помощи нет, а только с толку мыслителя сбивают, не дают ему обдуматься и высказаться. Насчет инородцев неарийского происхождения у г. Достоевского есть, очевидно, особое мнение, за гениальность которого ручаются, во-первых, самый факт ограничения «всемирности» арийским племенем, а во-вторых, некоторые прецеденты. Все, без сомнения, помнят гениальную простоту, с которой г. Достоевский в «Дневнике писателя» же разрешал восточный вопрос. Он тогда тоже прорицал и именно прорицал, что мы возьмем Константинополь и что все это произойдет чрезвычайно просто. Помните, писал он, как с Казанью было: взяли русские Казань, и татары стали торговать мылом и халатами; так и с Константинополем будет. Прорицание немножко не осуществилось, но дело не в этом, не всякое же лыко в строку, а дело в том, что вот как с неарийцами надлежит поступать: не братством их потчевать и не «воссоединением», а ступай-ко, дескать, свиное ухо, мылом торговать!^[3]

По всем этим причинам, я утверждаю, что о «Дневнике писателя» толковать не стоит. Но «придаться» к «Дневнику писателя» можно, что я и собираюсь сделать. Я следую в этом отношении примеру самого г. Достоевского, который даже озаглавил часть «Дневника писателя» так: «Придирка к случаю». Но это, собственно говоря, не придирка к случаю, а весьма тщательный ответ профессору Градовскому, напечатанному в газете «Голос» критическую статейку о речи г. Достоевского^[4]. Под тщательностью ответа я понимаю, однако, не то, чтобы в антикритике почтенного романиста не было никакого неряшества мысли. Напротив, его там, как и всегда у г. Достоевского, вдоволь. Но там есть также некоторые ходы и подходы, тщательно обдуманные в низменно полемическом смысле личных уколов, более или менее чувствительных, и эффектов, более или менее удачно заслоняющих самый предмет спора. (Люди, помадящиеся деревянным маслом, вообще нередко обнаруживают это искусство.) Вот один образчик полемических приемов г. Достоевского, нимало не исключаяющих логического неряшества, один на пробу.

Выразив вышеприведенную мысль о нашей всемирности, приобретенной силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей, г. Достоевский находит подтверждение этого «мечтания» своего и в нашей новой истории. «Ибо, – говорит он, – что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем самой себе?»^[5] На это г. Градовский замечает: «Г. Достоевский гордится тем, что мы два века служили Европе. Признаемся, это „служение“ вызывает в нас не радостное чувство. Время ли Венского конгресса и вообще эпохи конгрессов может быть предметом нашей „гордости“? То ли время, когда мы, служа Меттерниху, подавляли национальное движение в Италии и Германии и косились даже на единоверных греков? И какую ненависть нажили мы в Европе именно за это служение».

Резонно или не резонно это замечание г. Градовского, но вслушайтесь, пожалуйста, внимательнее в антикритику г. Достоевского:

«Разве я хвалил то, как мы служили? Я только хотел отметить факт служения, и факт этот истинен. Но факт служения и то, как мы служили, – два дела совсем разные. Мы могли наде-

^[3] Из «Дневника писателя» за сентябрь 1876 г., статья «Халаты и мыло» (там же, т. 23, с. 119–121).

^[4] Градовский А. Мечты и действительность. – «Голос», 1880, 25 июня. Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – публицист, профессор русского государственного права, постоянный сотрудник газет «Русская речь» и «Голос»; статьи из этих газет включены в его сборник «Политика, история и администрация» (СПб., 1871).

^[5] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 148.

лать очень много политических ошибок, да и европейцы их делают во множестве поминутно, но не промахи наши я хвалил, я только факт нашего служения (почти всегда бескорыстного) обозначил. Неужели вы не понимаете, что это две вещи разные? „Г. Достоевский гордится тем, что мы служили Европе“, – говорите вы. Да вовсе и не гордясь я это сказал, я только обозначил черту нашего народною духа, черту многознаменующую. Так отыскать прекрасную, здоровую черту в духе национальном значит уж непременно гордиться? А что вы говорите про Меттерниха и про конгрессы? Это вы-то меня будете в этом учить? Да я еще, когда вы были студентом, про служение Меттерниху говорил, да еще посильнее вашего, и именно за слова об неудачном служении Меттерниху (между другими словами, конечно) тридцать лет тому назад известным образом и ответил. Для чего же вы это исказили? А вот, чтобы показать: „Видите ли, какой я либерал, а вот поэт, восторженный-то любитель народа, слышите, какие ретроградные вещи мелет, гордясь нашим служением Меттерниху“. Самолюбие, г. Градовский»!^[6]

Увертки, г. Достоевский!

Обратите внимание хоть на это напоминание о понесенном тридцать лет тому назад наказании. Эффект чрезвычайно целесообразный. Выходит, что противник хотя и либеральничает, но, во-первых, жидко, а во-вторых, так сказать, безданно и беспощинно, а сам г. Достоевский либеральничал круто и наказание потерпел. Вы невольно проникаетесь уважением к потерпевшему за правду и приходите к мысли, что ученого учить и в самом деле нечего, только портить. Однако уважение уважением, а эффект-то хоть и достигает низменной полемической цели, но к делу вовсе не идет, вовсе к нему не относится. Мало ли что тридцать лет тому назад было! Тридцать лет тому назад г. Достоевский говорил, например, о каторге уж, конечно, не с благоговением, не с фантастическою верою, что она может просветить человека лучшим светом, а потому, дескать, на каторгу ссылать непременно следует. Ну а теперь он каторгу именно в этом смысле понимает. Так и с Меттернихом могло случиться. Тридцать лет много времени...

Или вот тоже эффект насчет «восторженного любителя народа». Хотя он и под ироническим соусом подан и от лица г. Градовского, но это-то и эффектно. А к делу все-таки не идет. Г. Градовский мог бы возразить: «Вообще я вас, государь мой, восторженным любителем народа не считаю и не могу считать, ибо даже тут, в этом самом месте вашей антикритики, вы третируете народ совершенно так же, как тот фельдъегерь, о котором вы говорите в „Дневнике писателя“ же: „Ему вся Россия представляется лишь в его начальстве, а все, что кроме начальства, почти недостойно было существовать“»^[7]. В самом деле, припомним любой эпизод из истории нашего служения Европе за последние два века. Припомним, например, как русские войска ходили под предводительством Суворова «спасать царей» или как Гергей^[8] складывал оружие перед победоносным русским воинством. Как ни отделий в обоих этих эпизодах факта служения от того, *как* мы служили, но нет никакой возможности приурочить сюда «силу братства и братского стремления к воссоединению людей». Какое уж тут братство и какое воссоединение! Но, к счастью, тут мудроно разыскать и «черту нашего народного духа» или даже «духа национального». Народ наш знает и любит своего царя, но спасать европейских царей ему никогда не приходило в голову. Эта идея целиком принадлежала императору Павлу, который, если хотите, с своей точки зрения, даже не впадал при этом в политическую ошибку: могущественный и убежденный представитель абсолютной монархии, он посылал своих солдат умирать за этот принцип. Таким образом, не народ служил Европе, а император Павел, да и не Европе вовсе, а монархическому принципу. Усмирение венгров объясняется точно так же, о чем, впрочем, даже распространяться совестно, до такой степени это элементарно. А карточные домики строить, конечно, можно; «представлять себе всю Россию лишь в начальстве»

^[6] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 171.

^[7] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 156.

^[8] *Гергей Артур* (1818–1916) – полководец венгерской повстанческой армии в 1848–1849 гг.

тоже можно. Но требовать себе за это титула «восторженного любителя народа» не годится, не дадут. Ибо народ наш даже ни чуточки своего «духа» не вкладывал в дело восстановления австрийского господства над мятежной Венгрией. И думал он при этом не о «служении», а о «службе», с горькими слезами отправляя на эту службу своих сыновей и братьев. Чего-нибудь да стоят эти слезы, господин, именующий себя восторженным любителем народа и из-за начальства не видящий этого самого народа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания